

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБЩЕСТВА: К СТОЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

БЕЛЯКОВА Н.А.

Отношение российских марксистов к религии до революции

В среде российских марксистов не было единой системы взглядов в отношении религии, а уж тем более сформировавшейся доктрины развития взаимоотношений с конкретными церквями в стране. Религиозные идеи и богоискательство были достаточно широко распространены среди сторонников социального переустройства в России. Другая часть русских марксистов стояла на последовательных позициях антиклерикализма и крайне негативного отношения к христианской церкви как к учителю покорности. Просвещение народа противопоставлялось насаждаемым церковью предрассудкам и покорности. Свободомыслие и атеизм проповедовались П.Н. Ткачевым, М.А. Бакуниним, П.Л. Лавровым. Работы Лаврова носили ярко выраженный полемический характер с западными христианскими социалистами (Сен-Симон, Вейтлинг), в которых автор доказывал, что «между разными типами христианского идеала и учением социальной революции нет ничего общего».

Наиболее яркими представителями антиклерикальной (или антицерковной) демократической интеллигенции были В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский. В.Г. Белинский в своем знаменитом письме Н.В. Гоголю писал: «России нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение»¹. Этот последовательно просвещенческий взгляд на религиозные институты про-

¹ *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 213.

смачивается в дореволюционных произведениях и В.И. Ленина, позиция которого часто не разделялась даже его однопартийцами².

Некоторые социалисты считали, что подлинный российский коммунизм можно построить, опираясь на опыт русских крестьянских движений и сект. Например, известный деятель большевистской партии В.Д. Бонч-Бруевич задолго до революции увлекался сбором сведений о социальных учениях русских сектантов, с большим сочувствием относился к старообрядцам, молоканам, евангельским христианам разных направлений. Благодаря его систематической поддержке в первые годы советской власти русские протестанты получили возможность создать трудовые сельскохозяйственные артели, коммуны, строящие свою жизнь на принципах всеобщего труда по образцу первых христиан; некоторые из этих объединений просуществовали вполне успешно до начала коллективизации.

Признанное впоследствии в Советском государстве единственно верным и марксистским отношение В.И. Ленина к религии и Церкви в дореволюционный период имело ярко выраженный полемический характер и не было доминирующим. Так Ленин активно полемизировал с авторами сборника «Вехи», поскольку считал «богоискателей» самыми опасными противниками в связи с их концепциями новой народной христианской религии. Он писал «Народное» понятие о боженьке и божецком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы». Жесткой критике Ленин подвергал и концепции «богостроителей»-социалистов, в первую очередь, Горького и Луначарского, выдвигая в противовес концепцию воинствующего материализма / атеизма. Если не вдаваться в полемические неоднократно цитируемые лениноведами тексты Ленина по религиозным вопросам в дореволюционный период, кратко можно сформулировать его позицию следующим образом: религия (являющаяся безусловно вредной, поскольку учит угнетенные классы покорности и смирению) должна стать частным делом по отношению к государству, но не частным

² См., например, об отношении к религии у Луначарского: А.В. Луначарский. Очерки по истории марксизма. 1908. С. 157. или о деятельности кружка богостроителей вокруг Максима Горького.

делом по отношению к партии, которая должна бороться с темнотой и мракобесием в виде религиозных суеверий; однако в атеистическую пропаганду нельзя бросаться сломя голову, а ее следует подчинить основной задаче – борьбе за социализм, борьбе, направленной на устранение социальных корней религии.

Первые мероприятия советской власти в религиозной сфере

В процессе захвата власти в России большевики декларировали веротерпимость и право каждого выбирать свои убеждения; эта политика сознательно противопоставлялась имперскому прошлому, в котором Православная церковь была, по их мнению, «служанкой самодержавия» и участвовала в преследовании инакомыслия и инаковерия. Идея создания льготных условий национальным и религиозным меньшинствам как пострадавшим от «царистского режима» ярко выражена в большевистской идеологии первых лет советской власти (эта политика получила обозначение в исследовании Т. Мартина «положительная деятельность»). В «Декларации прав народов России» 2/15 ноября 1917 г. отменялись все национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения, а в «Обращении к трудящимся мусульманам России и Востока» сообщалось, что «отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными».

Нормативно-правовым актом, определившим на законодательном уровне политику советского государства стал «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществ» от 20 янв. 1918 г. (опубликованный затем и вошедший в историю под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»). Декрет объявлял полную свободу совести, равенство всех религий перед законом, запрещал упоминание вероисповедной принадлежности в официальных документах. Этот документ вызвал удовлетворение у представителей других конфессий России тем, что лишал Православную церковь ее традиционных привилегий. Одновременно декрет продемонстрировал жестко секулярную направленность новой власти: декрет лишил «церкви и религиозные общества» прав юридического лица

и собственности, запретил преподавание религии в общеобразовательных учебных заведениях, запретил церковную благотворительность. Советское законодательство после опубликования декрета больше не использовало понятие «церковь»³. Уже в этом декрете из церковных институтов называются только «церковные и религиозные общества», подчиненные «общим положениям о частных обществах и союзах».

Советская власть отказалась вести диалог с Церковью, не признала права церкви на внутреннюю автономию, создав для проведения в жизнь закона VIII Отдел при Народном комиссариате юстиции, получившем красноречивое название «ликвидационный». Выпущенная 24 августа 1918 г. инструкция «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» конкретизировала дискриминационные мероприятия в отношении церковных институтов. Декрет и последовавшие за ним документы продемонстрировали начало системной борьбы Советов с церковным влиянием, которая прошла несколько исторических этапов.

Политика в отношении религии и церковных институтов показывает стабильное расхождение теоретических социалистических /марксистских концепций и практических большевистских мер. В этой сфере на протяжении всего советского периода четко видна разница между пропагандистскими установками, спускаемыми сверху, и их пониманием и реализацией на местах. В журнале «Революция и церковь», основанном в 1919 году, в статье «Практика антирелигиозной борьбы» П. Красиков констатировал «нецелесообразный, непродуктивный, раздражающий население и затрагивающий религиозные чувства способ проведения декрета об отделении церкви от государства, и школы от церкви на местах. Не всегда местные власти усваивают марксистскую точку зрения на религиозный вопрос. Сталкиваясь с контрреволюционностью служителей культа, они прибегали к репрессиям. Избирался путь, кажущийся более

³ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах 20 янв. (2 февр.) 1918 г. //РПЦ и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., ББИ, 1996. С. 25–27. В постановлении ВЦИК и СНК 1929 г. говорилось, что под действия декрета 23 янв. 1918 г. подходят «церкви, религиозные группы, толки религиозные течения и прочие культовые объединения всех наименований. – Там же. С. 250.

верным, но в сущности ничего не достигающий и даже вредный. Совершались открытые оскорбления религиозных чувств граждан. Отбирались в храмах церковные облачения, платки с престолов заменялись на революционные флаги. В Петрозаводске в помещении бывшей церкви устроили маскарад. Две маски, священные одежды с крестами и кадилами в руках и с папиросами в зубах».

Верно подмеченный Красиковым характер борьбы с религией, развернувшийся в стране, носил не просвещенно-атеистический характер, а получил в сознании обывателей кощунственный (*антоним сакральному*) характер, сопровождавшийся созданием новой религиозной системы, требующей и ритуальных действий.

Коммунизм как квазирелигия

Современников революционных процессов поражала та легкость, с которой значительная часть простого русского народа, считавшегося преданным православной вере и монархии (в противовес безбожной интеллигенции), отказалась от традиционной парадигмы сознания.

Стихийный бунт против прошлой системы, развенчание всего старого, сопровождалось и действиями по де-сакрализации почитавшихся ранее в качестве священных мест, лиц, предметов; прежние святыни приносились в жертву новым кумирам. Генерал Деникин описывал, что после февральской революции (приведшей к свержению монархии) солдаты устроили нужник в ранее построенной ими же полковой церкви. Построение нового мира на новой системе ценностей требовало ликвидации и разрушения старого. Именно поэтому с такой жестокостью была уничтожена императорская семья. Церкви и их служители становятся первыми объектами символических расправ: священников топят в воде, в иконы стреляют, вставляют окурки, сжигают, устраивают скотные дворы или сортиры в церквях.

К старому относилась и «буржуазная» мораль, и «библейские» заповеди, положительным и добрым объявлялось то, что шло на пользу государству пролетариата.

Одной из первых идеологических кампаний, призванных подорвать авторитет ПЦ, была акция по «вскрытию» и «изъятию» мощей. Необъяснимая с рациональной, а уж тем более с атеистической точки зрения, кампания была связана

с укоренившимся в русском народном сознании представлении, во-первых, о «целостности и нерушимости» мощей как зримом проявлении святости и, во-вторых, о существовании устойчивой связи между почитанием мощей и институтом царской власти⁴. 20 июля 1920 г. СНК принял постановление «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе»⁵, в котором была поставлена задача «полностью ликвидировать варварский пережиток страны, каким является культ мертвых тел». 25 августа 1920 г. Наркомюст РСФСР принял даже специальное постановление «О мощах», в котором предусматривалось ведение судебных дел в случае «обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты <...>».

Сложно сказать, насколько сознательно создавалась вышшими коммунистическими идеологами новая религия, но то, что на практике очень быстро оформляется новая религиозная система, со своими культурами и ритуалами, жрецами и святыми местами, вызывает изумление. Коммунистическая агитация использовала многие формы, сложившиеся в христианской проповеди; при этом происходило замещение их содержания. Коммунистические ритуалы также имели откровенные религиозные коннотации. Например, первомайские и октябрьские демонстрации – крестные ходы; красные уголки – аналог красным углам в крестьянских избах, где помещались иконы; посещение мавзолея и мест боевой славы – паломничества к святым местам; портреты и бюсты – политические иконы; съезды партии – церковные соборы; революционные гимны заменили молитвы. Появились «священные» тексты типа «Краткого курса истории ВКП (б)». Церковные славословия были заменены славословиями КПСС.

Формирование культа Ленина началось при его жизни; и его личность стала обрастать типичными чертами сверхчело-

⁴ См. об этом подробнее Белякова Е.В., Найденова Л.П. Житие митрополита Ионы как источник по истории канонизации святых в Русской Церкви // Проблема святых и святости в истории России. Материалы XX международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 134–142.

⁵ См. например Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношения советской власти и русской православной церкви 1917–1945. Спб., 1995. С. 73.

века-божества с ярко выраженной цикличностью: мессианская цель – страдание за народ – победа, которая создаст новую общность. Покушение на Ленина в 1918 г. было истрактовано советской идеологией как сознательная жертва человека, подвергающего себя опасности ради блага народа: «Ты к нам пришел, чтоб облегчить / Наши тяжкие мученья, / Ты к нам пришел, как вождь, разбить / Врагов рабочего движения... / ... Нам не забыть твоих страданий, / Что перенес ты, вождь, за нас. / Ты жертвой стал»⁶. Оформление культа Ленина завершилось созданием мавзолея на Красной площади (там еще ранее с ноября 1917 г. был создан «красный погост»), в который были помещены «нетленные мощи» Ленина, ставшие объектом поклонения для населения СССР под формулой о бессмертии Ленина: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить».

На практике, подлинным культом новой системы стал крайний этатизм большевиков, который поставил во главу угла государство пролетариата, и вся система ценностей строилась вокруг него. Парадокс заключался в том, что провозгласив себя атеистическим и отказавшись от прежней буржуазной морали, большевистская система взяла на себя метафизическую роль определять, что является добром и злом. «Борьба со злом» становится детерминантой жизни советского общества.

Советское государство и Православная церковь

В начальный период Советской власти основное острие борьбы было направлено против Православной российской церкви, которая осознавалась советской властью как опасный противник и конкурент в борьбе за сознание православного населения России и к тому же собственник «сказочных» богатств. Уже декрет «О земле», принятый в ночь государственного переворота 26 октября 1917 г. передавал все монастырские и церковные земли со всем движимым и недвижимым имуществом во «всенародное достояние»; следующим шагом были конфискованы церковные счета.

К концу гражданской войны большевистское руководство воспринимало Церковь как враждебную контрреволюционную организацию, которую необходимо в ближайшее время

⁶ Беднота, 1918, 17 сентября.

обезвредить. Систематический характер антицерковные акции приобрели с марта 1922 г., когда в ходе развернувшейся кампании по изъятию церковных ценностей, советское руководство поставило задачу уничтожения Православной Церкви как сколько-нибудь значимого общественного института. В знаменитом письме Ленина от 19 марта 1921 г., адресованном Политбюро ВКП (б), говорилось: «Мы должны дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... чем большее число представителей реакционного духовенства... нам удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше». Был проведен ряд показательных судебных процессов над церковным руководством. Широкую известность получило осуждение группы петроградского духовенства и профессуры во главе с митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), расстрелянными в июле 1922 г.

В ходе этого наступления с небывалым размахом стали использоваться такие рычаги давления на Церковь и верующих как репрессии, поощрение внутрицерковных разделений (в частности, так называемого обновленческого раскола) и массированная антирелигиозная пропаганда.

Современными исследователями обнаружены и в значительной степени опубликованы документы, свидетельствующие о том, как советскими представителями обсуждались и реализовывались мероприятия по расколу, стимулированию размежевания в церковной среде, вербовке агентуры. Сотрудниками секретного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии (СО ВЧК) уже с начала 1919 г. была выдвинута идея о том, что «прогрессивное духовенство имеет право рассчитывать на поддержку Советского государства»⁷. Эта поддержка, в свою очередь, должна была, по расчетам чекистов, подвигнуть «прогрессивных» попов на изгнание «князей старой церкви» и создание «обновленной церкви, стоящей за Советскую власть». Политика по развалу, разложению и разделению церкви на несколько противоборствующих частей (изначально планировалось разделение на «черносотенную», нелояльную во главе с Патриархом Тихоном, и прогрессивную, лояльную советской власти об-

⁷ Известия ВЦИК. 1919. 2 декабря (№ 270).

новленческую), осуществлялась как через вербовку агентов в церковной среде, так и через репрессивные акции в отношении нелояльных.

Наиболее массированная атака по передаче управления церковью в руки обновленческих, лояльных к власти лиц была совмещена с кампанией по изъятию церковных ценностей в 1922 г.⁸ После загадочной смерти Патриарха Тихона 7 апреля 1925 г. Церковь была лишена возможности избрания нового патриарха, православие в стране оказалось раздроблено, и власть целенаправленно усиливала конфликтность в религиозной среде.

Тактики поведения православного сообщества по отношению к власти

Церковная полемика конца 1920-х гг. велась в России в обстановке далекой от свободы дискуссии, в условиях постоянно усиливающихся репрессий со стороны власти. Все стороны, участвующие в дискуссии, находящиеся внутри страны Советов, так должны были формулировать свою позицию, чтобы власть не могла выдвинуть против них политические обвинения. Церковные материалы советского периода жестко цензурировалась самими составителями (если они не были анонимными), и они не могут являться показателем реальной позиции их авторов в отношении коммунистического режима, в отличие от произведений представителей Зарубежной церкви. Тем не менее вопрос об отношении к государству, вернее к советской власти, о границе допустимой лояльности, стал серьезным камнем преткновения в церковной среде. И власть откровенно использовала этот пункт в качестве основания для раскола / дробления церковного организма. В условиях раскола, невозможности легализовать церковное управление, жесткого давления на иерархов 29 июля 1927 г. заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) «Декларация» 1927 г. митрополита Сергия

⁸ Советская власть, отказавшись от добровольной помощи Церкви, начала насильственно изымать ценности из церквей, которые якобы должны были пойти на пользу голодающим; практическими задачами кампании было показать антинародный характер церкви, подорвать ее материальные возможности, репрессировать активную часть духовенства и мирян.

(Страгородского)⁹, которая сообщала о регистрации высшего церковного управления при нем «Временного Патриаршего Священного Синода» и обещала подготовку и созыв Второго поместного собора для решения накопившихся церковных вопросов. Митрополит Сергей вписывал декларацию в продолжение линии патриарха Тихона, который стремился поставить Церковь в «правильные отношения к советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования». В заявлении отмечалось, что правильному отношению с властями мешали враждебные действия зарубежных врагов и восприятие советской власти как чего-то случайного и временного. Необходимо было делами подтвердить, что «верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его... Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи».

Ко второй половине 1920-х гг. в церковном сообществе формируется несколько моделей и тактик поведения:

1) **полное признание и желание активного сотрудничества с Советской властью.** В качестве наиболее яркого примера можно назвать различные обновленческие движения, самым значимым из которых была «Живая церковь». Этот путь большинством верующих не рассматривался как христианский. Проф. мученик Михаил Новоселов называл обновленцев «церковь лукавнующих». «Красных» попов часто избегали и «простые» верующие. В значительной степени это была стратегия белого духовенства, стремящегося отстаивать свои корпоративные интересы при новых политических обстоятельствах, активно использующего революционную риторику.

2) **политика лояльности, выполнение (пусть и вынужденное) распоряжений власти в церковно-административных делах.** Это линия митрополита Сергея

⁹ «Декларация митрополита Сергея» (Страгородского) 29 июля 1927 г. / Русская православная церковь и коммунистическая государственность. 1917–1941. М.: 1996. С. 224–228.

(Страгородского), вынужденно поддержанная массой епископата и мирян, озвученная в процитированной выше «Декларации». Поиск путей выживания официальным церковным руководством происходил в условиях не только беспрецедентного давления со стороны государственной власти, но и постоянных обвинений в контрреволюционности и реакционности со стороны недавних собратьев – обновленцев, которым власть оказывала демонстративную поддержку. С самого начала ведения диалога с большевистской властью церковное руководство оказывается в весьма противоречивой позиции, которая чутко улавливалась верующими. «Это патриарх написал не для нас, а для большевиков» – комментировал послание патриарха Тихона прот. Василий Виноградов. Другой священник, пересказывая свою беседу с митр. Петром (Полянским) относительно перехода на новый стиль, так приводил слова митрополита: «Секретно, на ушко, через надежных лиц вы разъясните верующим, что Святейший находится в ужасных условиях, именно между молотом и наковальней. С одной стороны, нужно подчиниться гражданской власти, а с другой стороны – в церковных делах ей никак нельзя подчиняться, ибо она безбожна и ведет к разрушению Церкви, да и с массами мы в конфликт вступать не будем, иначе они уйдут к обновленцам. А ведь вы сами знаете, что эти красные те же безбожники – большевики...».

3) **отказ от компромисса с властями и церковным руководством.** Собирательное название этого движения «антисергианское» или «непоминающие» (то есть не поминающие на Литургии имени митр. Сергия как предстоятеля). Эта группа была многочисленна, но позиция ее участников в ходе дискуссии и разворачивания репрессий в стране могла претерпевать эволюцию. Наиболее видными представителями из епископата были епископ Димитрий (Любимов), митр. Иосиф (Петровых), митр. Кирилл (Смирнов). Еще раньше т.н. «иосифлянкой» оппозиции появилось движение «истинно-православных христиан», у истоков которого стоял, в частности, епископ Андрей (Ухтомский).

Епископат и верующие, относящиеся к этой группе, не изолировали себя сознательно; на первоначальном этапе они пытались участвовать в выработке церковной линии,

однако ужесточение политического режима и курс на уничтожение церкви обрек их на изоляцию и гибель. Церковная жизнь сузилась до тайного служения литургии и индивидуальной молитвы. Вопрос стоял не о выражении церковной позиции по мировоззренческим вопросам, а споры шли о допустимых масштабах взаимодействия с властью, напр., в вопросе регистрации церковных общин и заключении договоров о пользовании церковным имуществом.

В этой части церковного общества были особенно сильны эсхатологические настроения, вообще характерных для русского религиозного сознания в связи с богоборческой политикой властей. Ожиданием конца света, представлением о последних временах было проникнуто мировоззрение в первую очередь монашествующих, потерявших социальный статус. Многие следственные дела содержат обвинения в проповедях о конце света, об отказе принимать власть антихриста. Разумеется, выдвинутые обвинения не всегда соответствовали истинным взглядам обвиняемых, однако многие противники курса патриарха Сергия – «непоминающие» – стояли именно на этих позициях¹⁰. Массовые расстрелы духовенства в 1937 г. нанесли решительный удар по сторонникам бескомпромиссного пути.

Трагизм положения Церкви в тоталитарном богоборческом государстве заключался в том, что принадлежа к церкви мучеников и исповедников, иерархи должны были демонстрировать не просто лояльность богоборческому режиму, но еще и опровергать информацию о преследованиях «за веру». Эта ситуация, принявшая привычный характер в послевоенные годы, породила в церкви особую ситуацию недосказанности и недоверия, подозрительности и доносов.

Отношение российских протестантов к революции

В предреволюционное десятилетие в Российской империи динамично развивалось движение, которое можно назвать евангельским или позднепротестантским («свободных церквей»). В первую очередь, речь идет о евангельских христианах и баптистах. Это движение не было однородно ни по своему происхождению, ни вероучению, однако в це-

¹⁰ Беглов А.Л. Церковная оппозиция в 1940-е годы // Альфа и Омега. 2006. № 2(46). С. 111-113.

лом оно вполне вписывается в контекст «пиетистского» возрождения в Европе XIX столетия. Евангелики в России были разделены организационно в начале XX столетия на два союза – Союз евангельских христиан и Союз баптистов. К 1917 г. эти деноминации издавали ряд периодических изданий, в частности, «Гость», «Баптист», «Слово истины», «Сеятель истины», «Утренняя звезда», «Молодой виноградник», «Источник из камня». Эти издания отражают активную духовную и общественную позицию, которую занимали их лидеры. Канадская исследовательница Хезер Коулмен в своей фундаментальной монографии «Русские баптисты и духовная революция» показала эволюцию концепций лидеров евангельского движения о «революции духа» и преобразовании российского общества на евангельских началах в первые десятилетия XX века,¹¹ а М. Рабер проанализировала направления социальной активности, которые были распространены среди русских евангеликов в 1905–1929 г.¹²

Евангельское движение с большим энтузиазмом восприняло лозунги февральской революции, обещавшие свободу совести и прекращение дискриминации по национальной и религиозной принадлежности. Дело в том, что в последние годы Российской империи евангелики подвергались особенно жестким преследованиям как чуждые «русскому народу» представители «немецкой веры», из-за распространенных в части общин пацифистских убеждений¹³, и из-за усилившейся православно-охранительной идеологии империи.

В революционный период при конструировании нового мира ранее гонимые получают большую свободу. Наряду с разрешением на политические собрания, провозглашается и свобода религиозной проповеди; и евангельские христиане появляются в одних и тех же публичных пространствах, что и «прогрессивные» политические партии. В ходе борьбы за утверждение новых символов и ритуалов евангелики

¹¹ Coleman H.J. Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905-1929. Indiana University Press, 2005.

¹² См об этом: М. Рабер. Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905-1929. Pickwick Publication, 2016.

¹³ Безносова О. Екатеринославская губерния: Terra incognita евангельского движения в Российской империи (середина XVIII в. – 1917 г.). (Steinhausen: SamenKron, 2014)

начинают проводить евангелизационные собрания в ранее недоступных для них публичных пространствах: площадях, кинематографах, столовых и т.д. Однако представляется важным наблюдение российского исследователя М.Ю. Крапивина, что «невозможно и некорректно пытаться вывести общую, солидарную позицию тех или иных сектантских объединений по поводу российских общественно-политических процессов»¹⁴. В среде евангельских христиан (в отличие от подчеркнуто аполитичных баптистов) распространяется идея возможности переустройства мира в революционных условиях на христианских началах; по их мнению, возникшая свобода в России даст возможность людям прийти к Богу. Однако уже к лету 1917 г. в религиозной среде наблюдается серьезное разочарование и усиливаются апокалипсические мотивы. Приход к власти большевиков и развернувшаяся гражданская война окончательно погребли идеи христианизации мира, оптимистично выдвигаемые частью протестантского сообщества. Однако как пострадавшие при царском режиме «сектанты» могли рассчитывать на определенные льготы от новой власти, к тому же их мощный антиправославный и антимонархический пафос смыкался с риторикой большевиков. Идеи справедливости, братства, общности, коммун, также сближали часть протестантского сообщества с социалистическими концепциями. Первое время большевики соблюдали определенный нейтралитет в отношении к «сектантам» и не возражали против сектантских коммуникативных хозяйств, да и антивоенная риторика протестантов вначале устраивала большевиков, которые пришли под лозунгом «долой войну». Однако здесь было заложено и расхождение, которое в дальнейшем стало причиной мощного конфликта. Большевики были против «империалистической» войны, но за войну «классовую», и, захватив власть, начали активно мобилизовать население в ряды Красной армии. Между тем, в среде верующих в этот период формулируется тезис о недопустимости участия в братоубийственной войне. И «воинский вопрос» стал критерием для оценки лояльности каждой евангельской общины,

¹⁴ Крапивин М.Ю. Докладная записка Всероссийского Союза евангельских христиан в Совнарком РСФСР (октябрь 1920 г.) // Новейшая история России, 2013. № 1(6). С. 257.

и репрессий по отношению к их членам со второй половины 1920-х гг.¹⁵

Сразу после большевистского переворота в октябре 1917 г. начался острый конфликт между захватившими власть большевиками и Православной церковью. Процесс стремительного вытеснения Церкви с политической арены, лишения ее тех прав и преимуществ, которыми она пользовалась в Российской империи стал очевиден с первых дней новой власти и принял необратимый характер. Схемы по расколу церковной среды, созданию нетерпимости по отношению к единоверцам, инкорпорация агентов в церковную среду – эти методы власть успешно использовала до конца советского периода по отношению ко всем конфессиям. Представители власти умело разыгрывали внутренние споры внутри конфессий и, придавая им политический характер, поддерживали одну из группировок и дискриминировали другую, что неизбежно приводило к конфликтам. Православная церковь была расколота спорами о законном преемнике патриарха, о формах взаимодействия с властью, а также возможностью реформирования церковной жизни. Для евангельских христиан и баптистов камнем преткновения стал вопрос об отношении к воинской повинности.

В 1929–1931 гг. наступление на Православную Церковь и все другие конфессии страны шло в рамках коллективизации сельского хозяйства и беспрецедентного террора в отношении крестьянства. «Церковники и сектанты» репрессировались наравне с зажиточными крестьянами – «кулаками». Были закрыты все трудовые артели, коммуны, сельскохозяйственные поселения верующих. Одновременно в течение 1930-х гг. на церковные институты обрушились несколько волн репрессий, наиболее разрушительной из которых была волна, совпавшая с годами большого террора.

¹⁵ Савин А.И. «Разделяй и властвуй». Религиозная политика советского государства и евангельские церкви в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2008. – № 15 (75). – С. 3-23.